

Инквизитор мне не пара

Екатерина Мордвинцева

Екатерина Мордвинцева

Инквизитор мне не пара

<https://litres.ru/74211447>

Аннотация

Сделка с инквизитором? Для гордой драконицы Оллианы — это последнее средство. Но другого выбора нет: её друзья пропали в лабиринтах междумирья, а Джейкоб Рейвенор — единственный, кто может быть проводником. Их путь лежит через болота, чащи и пещеры, где магия дышит в каждом листе. А ещё через тишину у камина, где между колкостями и спорами рождается что-то запретное. Что окажется сильнее: долг инквизитора или притяжение, грозящее сжечь все барьеры?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	44
Глава 5	56
Глава 6	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глава 1

Тишина, воцарившаяся в стенах Академии после исхода, была не просто отсутствием звука. Она была живой, пульсирующей, зловредной субстанцией, которая давила на виски свинцовой плитой, заползала в лёгкие ледяными иглами, намертво впивалась в сердце и, казалось, высасывала из воздуха само время. Оллиана стояла посреди пустого, зияющего учебного зала «Зерцало Реальности», где ещё месяц назад — хотя это «ещё» ощущалось как целая эпоха — гремел смех, звенели сотни голосов, споривших о тонкостях запутывающих заклинаний и парадоксах временных петель, и густо пахло пылью древних фолиантов, порошком искажённой реальности для практикумов и тёплым, душистым печеньем с корицей, которое Алина, тогда ещё просто земная гостя, а не истинная пара ректора, приносила в особенно хмурые дни.

Теперь же здесь пахло пылью, забвением и тоской. Воздух стоял неподвижный, мёртвый, и даже частицы пыцы, плясавшие в редких лучах зимнего солнца, пробивавшихся сквозь высокие витражные окна, казались пеплом чего-то невозвратимого.

Она медленно провела ладонью по безупречно гладкой, холодной поверхности черного обсидианового стола их команды. На этом столе, испещрённом мелкими, оставшими-

ся навсегда царапинами от неаккуратных манипуляций, их группа — она, безрассудный Олиз, гениальный Астрильд и верный Брант — однажды, в припадке ночного вдохновения и голода, вывела авантюрную формулу спонтанной трансмутации обычной воды в яблочный сидр. Эксперимент удался с поправкой на взрыв, окрасивший потолок в золотистый цвет, и лёгкое опьянение на следующей лекции по этике магии. Пятно от того зелья всё ещё виднелось у края столешницы, тёмно-янтарное, въевшееся в камень, безнадёжное и насмешливое, как зеркало её нынешнего положения. Она прижала кончики пальцев к этому пятну, словно надеясь через него, через эту застывшую каплю прошлого, дотронуться до того вечера, до их смеха, до ощущения, что мир лежит у их ног и готов подчиниться любой, самой безумной их идее.

«Почему именно я?»

Этот вопрос бился в её висках с навязчивой, неумолимой силой заклинания-паразита, которое, однажды проникнув в сознание, уже не выпускает. Он звучал в такт её шагам по пустым коридорам, отдавался эхом в тишине столовой, шептался на ухо, когда она пыталась заснуть. Почему ректор Аранер Волдмуд, этот чешуйчатый, непроницаемый деспот с глазами расплавленного золота и душой, выкованной, казалось, из ледяной стали, отправил её друзей в неизвестность, в разверзшуюся бездну между мирами, а её, Оллиану, оставил здесь — в этом роскошном, безупречном каменном саркофаге воспоминаний? Чтобы мучить? Чтобы

наблюдать, как она сходит с ума? Или в этом был свой, извращённый, драконий смысл, недоступный её человеческому пониманию?

Гнев, старый знакомый, почти уютный в своей простоте и ярости, поднялся из самых глубин её существа, разливаясь по венам жгучим, раскалённым эликсиром. Она сжала кулаки так, что костяшки побелели, и острые, коротко подстриженные ногти впились в ладони, оставляя красные, болезненные полумесяцы. Но это был не просто гнев. Это была ярость. Та самая, первородная, что клекотала в роду её матери-дракона, та самая, что заставляла драконье сердце, обычно спящее глубоко в её человеческой груди, биться с дикой, первобытной частотой, наполняя кончики пальцев опасным покалыванием необузданной, первозданной магии. От этого в горле пересыхало, а в ушах начинал звучать далёкий, но ясный рёв.

— Волдмуд, — прошипела она в гробовую тишину зала, и слово, сорвавшееся с её губ, отозвалось холодным, насмешливым эхом, помчавшимся по мраморным колоннам к самому потолку, расписанному фресками о торжестве разума над стихией. — Ты получишь по заслугам. Я вырву у тебя правду когтями, если понадобится. Я обещаю.

Но прежде чем мстить, нужно было спасать. Друзья. Каждый прожитый без них день ощущался не как отрезок времени, а как маленькая, изошрённая смерть. Каждое утро она просыпалась с ледяным, тяжёлым комом в груди и острым

лезвием немого страха в горле: а живы ли они? Целы ли? Не попали ли в один из тех адских миров, о которых рассказывали страшные истории на ночь, — где магия была смертельным ядом, а небо вечно разорвано молниями вечной войны? Олиз с его беспечной, заразительной улыбкой и вечной, неистребимой тягой к приключениям, которые всегда оборачивались разрушением ровно половины лабораторного оборудования. Астрильд, тихий, сосредоточенный мудрец, способный часами, с горящими глазами, объяснять теорию пространственных складок, рисуя формулы прямо в воздухе. Брант, верный, сильный, непоколебимый, её щит в любой потасовке и её тихая гавань в бурях академической жизни... Они были её семьёй, её кланом, её стаей, когда родная семья рассыпалась в прах. Они заменяли всё.

Их исчезновение было не ошибкой, не трагической случайностью. Оно было актом изощрённой, хладнокровной жестокости. Они не пропали в бою с тёмными силами, не стали жертвами провалившегося рискованного эксперимента. Они исчезли в момент своего наивысшего, оглушительного триумфа. Именно они, вопреки воле самого Волдмуда, сломав множество запретов и едва не поплатившись жизнью, нашли способ вернуть ему, древнему дракону-отшельнику, его «истинную пару», Алину, потерянную между мирами. Они сделали его счастливым. Против его собственной, ожесточённой воли. И он, вместо благодарности, вместо награды, устроил им такую месть, которая была достойна лишь

самых мрачных легенд о драконьей злопамятности.

Оллиана отвернулась от стола и прошла к огромному, арочному окну, целиком охваченному причудливыми, морозными узорами. За ним, как за матовым стеклом, простирались замёрзшие, безжизненные сады Академии, а дальше, уходя в белую пелену снежной дымки, сизые, вечные горы Алиады. Где-то там, за пределами видимости, за границами этого знакомого, ставшего вдруг враждебным мира, были они. Может, в одном мире, а может, раскиданные по разным вселенным, как семена, развеянные ураганом.

— Я найду вас, — прошептала она, прижав горячий лоб к ледяному, обжигающему стеклу. Слово запотело, оставив мокрый след. — Что бы мне для этого ни пришлось стать. Что бы ни пришлось сломать. Что бы это ни стоило.

Последний месяц превратился для неё в бесконечный, изматывающий до самого дна души ритуал отчаяния. День за днём, шаг за шагом в пустоту.

День первый... Она, едва придя в себя после шока, рванула в Нижние Архивы, к Древнему Оракулу — гигантскому сферическому кристаллу из чистой астральной пыли, который, по легенде, хранил слабые отголоски всех значимых магических событий, случившихся под солнцем Алиады и за её пределами. Обычно его поверхность мерцала мягким, переливчатым светом, в котором угадывались силуэты и символы. Теперь она была чёрной и глухой, как ночь в безвоздушном пространстве, как глазница черепа. Как будто кто-то

накрыл Оракул бархатным, непроницаемым саваном. Оллиана потратила часы, а затем и дни, пытаясь пробиться сквозь эту немыслимую блокировку, вливая в холодный кристалл потоки своей собственной силы, шепча заклинания прозрения, пока у неё не пошла носом тёмная, густая кровь, а перед глазами не поплыли чёрные, зловещие пятна, грозящие потерей сознания. Кристалл остался немым и бесчувственным. Будто её друзей никогда и не было.

День пятый... Поисковые и связующие заклинания. Она украдкой пробралась в ритуальный зал и разложила на полу, в центре защитного круга, личные вещи друзей: одну потрёпанную кожаную перчатку Олиза, пахнущую дымом и ветром; потёртую шёлковую закладку Астрильда с вышитой формулой; простой, но крепкий стальной браслет Бранта, помятый в стычках. Зажгла свечи из воска лунных пчёл, пропела древние, гортанные слова заклинания «Связывающей Нити», которое должно было потянуться через миры к своим хозяевам. Магия взвилась вихрем, свечи погасли разом, с треском, а от вещей пахло гарью и озоном. Заклинание упёрлось в непробиваемую, невидимую стену и отрикошетило обратно, едва не подпалив ей волосы и оставив головную боль на три дня. Нити порвались, так и не найдя опоры.

День двенадцатый... Отчаявшись в искусственных методах, она пошла к источникам. На Алиаде их было четыре — древнейшие места силы, точки, где реальность была тонкой, как паутина, и где можно было услышать шёпот самого ми-

роздания. У Источника Шёпота, где хрустальные воды пели на забытых, божественных языках, она провела три ледяные ночи подряд, сидя на мшистом камне и вслушиваясь. Воды пели о вечной любви, о горькой потере, о старых, кровавых войнах и о рождении звёзд, но ни один шёпот, ни один звук не произнёс имён Олиза, Астрильда, Бранта. Как будто их не просто спрятали, а стёрли из самой ткани бытия, из песен воды и ветра. Это осознание было страшнее любой физической пытки.

День двадцатый... Отчаяние, тихое и липкое, начало подтачивать её изнутри, как ядовитая ржавчина. Разум, измученный бессонницей и бесплодными поисками, начал подыгрывать. Она стала видеть их в толпе на оживлённых улицах столицы Алиады — мельком, краем глаза: знакомый поворот головы Олиза, сутулые плечи Астрильда, широкую спину Бранта. Оборачивалась, сердце колотясь, как птица в клетке, — но в толпе были лишь чужие, безразличные лица. Однажды, проходя мимо Поющего Фонтана на главной площади, ей почудился их общий, раскатистый смех, вплетённый в шум воды. Она застыла, кровь стуча в висках, пока холодный разум не прошептал жёстко и ясно: это просто игра воды, ветра и твоего собственного, сломанного надеждой сознания.

А ещё был его взгляд. Волдмуда.

Он не преследовал её открыто. Нет, это было бы слишком просто, слишком по-человечески. Он просто был. По-

являлся, как тень, в дальнем конце коридора именно в тот момент, когда она, уставшая до немоты, брела в свою одиночную комнату. Сидел в самом дальнем, тёмном углу библиотеки, когда она, лихорадочная, с трясущимися руками, листала очередной пыльный фолиант о межпространственных порталах нестабильного типа. И всегда — с той самой, едва уловимой, ледяной ухмылкой в уголках тонких, жестких губ. Взгляд его янтарных, вертикально-зрачковых глаз был тяжёлым, физически ощутимым, оценивающим каждый её шаг, каждую морщинку отчаяния на её лице, и полным какого-то мерзкого, самодовольного знания. Он словно наблюдал за мухой, отчаянно бьющейся о толстое, невидимое стекло лабиринта, и заранее, с холодным удовольствием, знал, что та никогда не найдёт выход, лишь истощит себя до смерти.

— Нашли что-нибудь, мисс Ангмар? — спросил он её однажды, словно случайно столкнувшись у тяжёлых дубовых дверей в субтропическую оранжерею. Его голос был низким, бархатисто-сипловатым, с тембром, который всегда заставлял даже самых дерзких студентов внутренне съёживаться, вспоминая о древней, хищной природе говорящего.

— Что вы с ними сделали? — выпалила она, не в силах более сдерживать клокочущий внутри гнев. Ярость вскипела, затмив всякую осторожность, всякий страх. — Где они?!

— Каждому своё, мисс Ангмар, — ответил он, не моргнув, и в глубине его золотых глаз вспыхнула и тут же погасла искра чего-то дикого, первозданного, нечеловеческого.

Не злобы даже. Скорее азарта. Как у кошки, наблюдающей за мышиною вознѣй. — Вы же, как одна из лучших учениц, должны верить в высшую справедливость мироустройства?

— Это не справедливость! Это подлая, драконья месть! — прошипела она, чувствуя, как от злости у неё дрожат руки.

— Месть, — он задумчиво, смакуя, повторил слово, будто пробуя на вкус редкое вино. — Интересная, очень человеческая интерпретация. А я думал, что всего лишь... направил пылкие молодые умы на их истинный, верный путь. Путь, достойный их талантов.

И он развернулся и ушёл, его длинный, тёмный плащ скользнул по каменному полу без единого звука, оставив её стоять одной, дрожащей от бессильной ярости и леденящего ужаса. Верный путь? В какую адскую, безысходную бездну он их направил?

В последнюю неделю, когда чаша терпения и разума была переполнена, она дошла до крайности, до той черты, за которую не советовали заглядывать даже в самых рискованных учебниках. Она вспомнила старый, полузапретный, прокопчённый фолиант о «Кровных Узорах» — методе поиска через узы, скреплённые не родством, но силой общего духа, общей судьбы. У них не было общей крови, но была связь, которую в древности считали крепче братской. Ритуал требовал капли её крови и предмета, являвшегося символом их союза. Она использовала их общий талисман — четыре небольших кристалла-проводника, связанных вместе сереб-

ряной нитью, которые они зарядили общей силой в день своего первого совместного триумфа.

Ночью, в заброшенной астрономической обсерватории на самой высокой башне Академии, под холодным, безжалостным светом тройной луны Алиады, она провела ритуал. Воздух звенел от напряжения. Кровь, тёмная и густая, капнула из её разрезанной ладони прямо на центр связанных кристаллов. Магия взвилась вокруг неё багровым, пульсирующим столбом искажённого света, воздух затрещал, и... талисман с тихим, жалобным, словно детским всхлипом, треснул. Не громко. Но этот звук отозвался в её костях. Четыре кристалла рассыпались на мелкие, мёртвые, потускневшие осколки, серебряная нить почернела и истлела в одно мгновение.

Оллиана рухнула на колени прямо среди этих осколков, не в силах даже кричать. Её трясло, содрогания вырывались наружу беззвучными, сухими рыданиями, от которых болело всё внутри. Силы, физические и магические, покидали её, как вода из разбитого кувшина. Надежда, последний огонёк, который она так яростно оберегала, таяла с каждым ударом сердца, как лёдник под лучами чужого, безжалостного солнца.

Именно тогда, в самой густой, беспросветной тьме её отчаяния, её и нашла Алина. Не Волдмуд, а его «истинная пара» — та самая хрупкая на вид девушка с далёкой, немагической Земли, в чьих тёплых карих глазах теперь, после

трансформации, горел тот же неугасимый, древний драконий огонь, что и у её избранника. Она принесла не приказы и не насмешки, а простой глиняный кувшин с обжигающе горячим травяным чаем и тихое, молчаливое сочувствие, которое было куда ценнее любых слов.

— Он никогда не скажет тебе прямо, — мягко, но твёрдо произнесла Алина, глядя, как Оллиана бесцельно водит окровавленным пальцем по слою пыли на каменном полу. — Он запер это знание не на замок, а на семь магических и психологических печатей, и ключ выбросил в межпространственную бурю. Но... существуют другие пути. Не здесь. Не в стенах Академии.

— Где? — голос Оллианы звучал хрипло, сломано, как у больной, подбитой птицы, которая уже не надеется взлететь.

— Есть одно место, — Алина сделала паузу, как бы взвешивая риски. — Нейтральная территория. Перекрёсток. Там, где сходятся тенистые тропы многих миров, где информация — такая же валюта, как золото или магические артефакты. Где её можно купить, выменять или... выцарапать из кого-то с помощью нужного давления. Бар «Табльдот». Но попасть туда... это не экскурсия, Оллиана. Это прыжок в омут с головой.

Оллиана медленно подняла на неё глаза. В этих глазах, запавших от бессонницы и полных боли, снова, словно из-под пепла, вспыхнула искра. Ещё не надежда. Но яростная, неистовая решимость. Та самая, что двигала горами и застав-

ляла драконов бояться.

— Я пройду. Через что угодно. Я продам душу, если понадобится.

Алина улыбнулась, и в её улыбке было что-то бесконечно грустное, усталое и понимающее, как будто она видела этот путь до самого конца.

— Я знаю. Поэтому я дам тебе направление. И... я поговорю с Дарьей. Огненный Цветок знает о нестабильных порталах и боковых тропах между мирами больше, чем вся твоя кафедра теопортации. А ещё... — она замолчала, вглядываясь в лицо Оллианы, словно пытаясь что-то прочесть. — Будь осторожна, Оллиана. В таких местах, куда ты стремишься, иногда случается парадокс: то, что мы ищем самым отчаянным образом, находит нас первым. И часто принимает облик, которого мы меньше всего ждём. И от которого нам труднее всего защититься.

Тогда, с разумом, затуманенным горем и яростью, Оллиана не поняла, не разгадала этот намёк. Её мысли были заняты только схемой, картой, которую она уже начала рисовать в своём воображении: Академия Волдмуда — нелегальный, нестабильный портал — нейтральная территория — бар «Табльдот» — информация о друзьях — их спасение. Чёткий, ясный, как лезвие, путь. Линейный. Понятный.

Она и представить не могла, что самый сложный, самый опасный и самый важный маршрут на этой карте будет пролегать не через чужие, экзотические миры, а через терни-

стую, выжженную землю её собственного сердца. И что первым, кого она встретит на этом крестном пути, окажется не старый, мудрый проводник и не волшебный ключ, а высокий, угрюмый, весь из шрамов и молчания мужчина с глазами цвета надвигающейся грозы, который ненавидел всё, чем она была — дракона, мага, наследницу павшего рода, — но чей тяжёлый, аналитический взгляд будет обжигать её кожу жарче забытого солнца, а тишина между ними будет звонче любого признания.

Но всё это, все эти испытания, страхи и открытия, будет завтра. А сегодня, в этой гробовой тишине Академии, остались лишь всепоглощающий гнев, леденящее душу одиночество и тихий, предательский хруст осколков под коленями — звук последней надежды, разбившейся вдребезги. Звук, который она, стиснув зубы и ощущая, как дракон внутри поднимает голову, поклялась заставить умолкнуть. Навсегда. Ценой всего.

Глава 2

Тронный зал замка Четырёх Владык, как всегда, поража́л воображение даже в состоянии полной душевной опустошённости, на грани которого балансировала Оллиана. Он не просто ослеплял — он подавлял, утверждая абсолютную власть и древность рода, правившего здесь. Солнечные лучи, низкие и зимне-острые, преломляясь через гигантские витражи с изображениями драконов в полёте, фениксов, восстающих из пепла, и левиафанов, бороздящих хрустальные моря, рассыпались по отполированному до зеркального блеска мраморному полу живой, дышащей мозаикой из разноцветных бликов. Казалось, по залу медленно плывут призрачные, переливающиеся тени мифических существ. Воздух был прохладен и напоён сложным, многослойным ароматом — смесь горьковатого ладана, пыли с древних, кожаных переплётów фолиантов в нишах, воска от тысяч свечей и чего-то неуловимого, сладковато-пряного, жгучего, что было личной, неповторимой подписью самой Дарьи, Огненного Цветка, словно её аура вплелась в саму атмосферу замка.

Оллиана ждала. Часы, проведённые в каменном, аскетичном преддверии под недружелюпными взглядами стражей в латах, инкрустированных рунами, тянулись с вязкостью холодной смолы. Каждый отдалённый звук шагов по ковровой дорожке за массивными резными дверьми из чёрного дерева

и слоновой кости заставлял её сердце совершать болезненный скачок: он? Ректор Волдмуд, пришедший сорвать её попытку? Нет, снова просто очередной стражник или молчаливый придворный в парчовом одеянии. Нервы были натянуты до предела, до тонкой, звенящей струны, готовой лопнуть. Внутри, за закрытыми глазами, она лихорадочно перебирала арсенал магических и дипломатических средств: все заклинания проницательности и защиты, все возможные аргументы, от логических до эмоциональных, все унижительные мольбы, на которые она была готова пойти, чтобы вырвать крупицу правды.

Когда двери наконец распахнулись беззвучно, повинувшись невидимой силе, и её впустили внутрь, всё подавляющее величие зала на неё не подействовало. Она была слепа к сиянию золота и самоцветов, глуха к торжественной тишине. Она видела только одну точку во всём этом пространстве: женщину, восседающую на троне, высеченном из единой глыбы тёмного янтаря, внутри которого пульсировали застывшие языки пламени. Дарья. Не королева в этот момент, не Владычица Огня, а та, кто знала Аранера Волдмуда в ту эпоху, о которой не писали в учебниках. До того, как он стал её ректором, до того, как надел маску циничного затворника, до того, как обрёл и вновь потерял свою «истинную пару». Та, кто, возможно, держала в своих изящных, но способных испепелить руках невидимые нити этой изощрённой, драконьей мести.

— Оллиана, — голос Дарьи прозвучал в тишине зала. Он был тёплым, как осеннее солнце, но в его глубине отдавалась заметная усталость, словно она уже за тысячу шагов видела эту встречу и знала каждый её поворот. Она неторопливо отложила в сторону развёрнутый свиток с географическими картами, испещрёнными движущимися значками, и жестом, полным неформальной простоты, пригласила подойти ближе. Её платье, сотканное, казалось, из самого закатного пламени и ночного бархата, мягко струилось по ступеням трона, шелестя таинственным шёпотом. — Ты снова здесь. Целый месяц уже прошёл с нашего последнего разговора.

— Месяц тишины, Ваше Величество, — Оллиана опустилась в почтительный, но неглубокий реверанс, демонстрирующий уважение, но не покорность. Церемонии и этикет были сейчас последним, о чём она могла думать. — Месяц, каждый день которого начинается и заканчивается одной мыслью: живы ли мои друзья. Вы говорили тогда, что они «в безопасности». Но «безопасность» — это не «благополучие». Это не «спокойствие». Они могут быть в ледяном плену, в кромешном страхе, в мире, где само их существование — мука... — голос её дрогнул, предательски сдавшись, и она с силой, до боли, сглотнула подступивший к горлу горячий, солёный ком. — Вы знаете правду. Я чувствую это. Я уверена.

Дарья вздохнула, и это был не театральный вздох, а тяжёлый, из груди. В её зелёных, как молодая листва после дождя,

глазах, обычно полных живого, озорного огня и насмешливого интеллекта, мелькнула сложная гамма чувств: искреннее сострадание, знакомая досада и что-то ещё, более острое — нетерпение? Нетерпение к слепой настойчивости юности?

— Оллиана, я поклялась, — произнесла она, и в её голосе впервые прозвучала сталь, холодная и неоспоримая. — Клятва, данная на драконьем огне, перед свидетелями из плоти и духа — не пустые слова для галочки. Особенно когда её требует дракон, чьё терпение, пределы и саму природу ты и твои друзья испытывали с таким упорством, как... Ну, как неразумные, но любопытные дети тычут палкой в бок спящего вулкана, чтобы посмотреть, что будет.

— Мы хотели помочь! — вырвалось у Оллианы против её воли, и она тут же внутренне сжалась, проклиная свою вспышку. Они ходили по этому кругу уже в прошлый раз. — Он был несчастен! Одинок до самого корня! Мы нашли способ, древний, рискованный, но рабочий, вернуть ему его пару, его Алину! Разве это не добро? Разве счастье не стоит небольшого... вторжения в его волю?

— Это было именно что вторжение, — мягко, но с ледяной, режущей неумолимостью поправила Дарья. — Одушевлённое самыми благими намерениями, да. Но вы решили за него. За дракона, чей возраст и мудрость (да, даже в его чёрствости) в сотни раз превышают ваши. Судьбу, Оллиана, нельзя вручить человеку, как подобранную на дороге блестящую монету. Её нужно позволить ему найти самому.

Пройти свой путь к ней. Или позволить ей найти его, когда время придёт. Вы же подменили путь подменой. И теперь пожинаете плоды.

Оллиана замолчала, до крови впиваясь ногтями в ладони. Эта высокопарная философия судьбы и выбора была ей не по зубам, не по её растревоженному, израненному сердцу. Судьба, выбор... Её друзья пропали. Вот и вся судьба. Вот и весь выбор, который был сделан за них.

— Я не прошу вас нарушить клятву, — сказала она, насильственно меняя тактику, заставляя свой голос стать тише, ровнее, но вложив в него всю сталь своей воли. — Я прошу лишь... направление. Намёк. Подсказку, которую не сочтётся прямой помощью. Он отправил их куда-то. Значит, существует способ оттуда их вернуть или хотя бы установить контакт. Магия тех волхвиц, что проводили обряд изгнания... Она должна была оставить след? Портал? Энергетический отпечаток? Хотя что-нибудь!

Дарья долго, изучающе смотрела на неё, будто взвешивая не только её слова, но и саму её душу на незримых весах. Молчание затянулось, нарушаемое лишь тихим, убаюкивающим потрескиванием вечного пламени в гигантских серебряных жаровнях по бокам трона.

— Волхвицы Тумана, — наконец произнесла королева, растягивая слова, — существа весьма... своенравные. Древние, как само движение миров. Они не любят, когда их ищут назойливо. Их магия — это магия намёков, снов, знаков и

неслучайных случайностей. Найти их напрямую, выследить, как зверя, почти невозможно. Даже для таких как я. Или для Аранера, со всей его мощью и знаниями.

Сердце Оллианы сделало болезненный кульбит и упало куда-то в ледяную пустоту. Ещё один тупик. Ещё одна непроходимая стена.

— Но, — продолжила Дарья, сделав паузу для эффекта, и в её зелёных глазах вспыхнул тот самый знакомый, опасный огонёк азарта и знания, который так пугал и притягивал придворных. — Они далеко не единственные, кто умеет ходить по потаённым тропам между мирами. И уж точно не единственные, кто собирает... информацию. Разную информацию. — Оллиана замерла, не дыша, боясь спугнуть хрупкую, только что возникшую надежду. — Есть одно место. Нейтральная территория в самом буквальном смысле — точка, не принадлежащая ни одному из известных миров, но связанная со многими. Некий перекрёсток. Таверна... или, скорее, бар под названием «Табльдот». Владелец — персонаж колоритный, и его нейтралитет стоит дороже, чем вся сокровищница этого замка. Там можно узнать очень, очень многое, если суметь задать правильный вопрос. И быть готовым правильно за него заплатить. Не всегда золотом.

— Портал туда есть в Академии? — быстро, почти перебывая, спросила Оллиана, мысленно уже прокладывая маршрут к запретным вратам в подвалах.

— Не обычный, стационарный портал, нет. «Табльдот»

скрыт, перемещается, существует в некоем кармане реальности. Для него нужен особый ключ. Кристалл перехода, настроенный на его уникальные... вибрации. — Дарья плавно поднялась с трона и спустилась на одну ступеньку вниз, её платье зашипело по холодному мрамору тихим, подобным языкам пламени, звуком. — У меня такой кристалл есть. Много лет назад мне его дал... один из моих собственных Повелителей, когда мне стало особенно невыносимо тесно в этом мире камня, церемоний и бесконечной ответственности. «Сходи, развейся, посмотри на другие миры без королевского гнёта», — сказал он. Но я как-то так и не собралась. Вечно было не до того.

Она подошла к невысокому, но изысканно резному ларцу из тёмного дерева, стоявшему у подножия трона, почти в тени. Щелчок скрытого замка прозвучал неожиданно громко в царящей тишине. Внутри, на чёрном, как ночное небо, бархате, лежал кристалл. Он был невелик, уместился бы на детской ладони, но от него исходило глухое, пульсирующее, живое свечение. Казалось, внутри него заточена целая крошечная, бурлящая галактика, и её свет пробивается сквозь грани с ленивой, но неотвратимой силой.

— Он... проведёт меня прямо туда? К этой таверне? — Оллиана невольно протянула руку, но замерла в сантиметре от ларца, воспитанный страх перед священными артефактами сдерживал её.

— Он проведёт тебя к порогу. К той самой точке, где тро-

па к «Табльдоту» становится проходимой для тебя. Что будет дальше — зависит только от тебя. — Дарья бережно взяла кристалл и зажала его между своими ладонями, поднеся к груди, и посмотрела поверх него прямо в глаза Оллиане. — Но запомни раз и навсегда: место это — не твоя уютная академическая библиотека. Не безопасные тренировочные залы. Там свои законы. И свои опасности, которые не всегда носят облик клыков и когтей. Там можно встретить кого и что угодно: торговцев сновидениями в банках из тумана, наёмников с крыльями, отлитыми из самой тени, поэтов, чьи стихи способны менять погоду в радиусе мили, и... охотников.

— На кого охотников? — настороженно, сузив глаза, спросила Оллиана, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

— На разное, — уклончиво, но многозначительно ответила Дарья. — На редкие ингредиенты. На артефакты. На информацию. На... определённых существ. Тебе нужно будет держать ухо востро. Ищи бармена. Высокий, сухопарый, всегда в чистом фартуке. Его зовут Квинт. Подойди к нему, когда он будет не слишком занят, и скажи, что тебя прислала Искра из мира Драконьего Камня. Это... даст тебе небольшую скидку на недоверие. Небольшую.

Она протянула кристалл. Оллиана, затаив дыхание, бережно взяла его. Камень оказался на удивление тёплым на ощупь, как живое тело, и в пальцах от него шла лёгкая, едва

уловимая, но настойчивая вибрация, словно в руке она держала не минерал, а крошечное, спящее сердце иного мира.

— Спасибо, — прошептала она, и это «спасибо» было наполнено до краев всей горечью отчаяния последнего месяца и всей хрупкой, яростной надеждой, что теперь зарождалась в её груди.

— Не спеши благодарить, — Дарья неожиданно положила свою горячую, сухую ладонь ей на плечо. Прикосновение было настолько тёплым, что казалось почти обжигающим. — «Табльдот» — это лишь дверь. Ключ. Что ты найдёшь за ней... Оллиана, слушай меня внимательно. Иногда то, что мы ищем самым отчаянным образом, приходит в обличье, которого мы не ждём. Мы ищем потерянных друзей, а судьба подсовывает нам проводника, который ведёт совсем в другую сторону. Или преграду, которая оказывается уроком. Или... что-то, что навсегда меняет твой собственный путь, и ты понимаешь, что уже не можешь и не хочешь возвращаться к тому, что было.

Оллиана нахмурилась, силясь понять этот туманный намёк.

— Вы о волхвицах? Что они придут ко мне в неожиданном обличье, чтобы испытать меня?

Дарья улыбнулась, и её улыбка была загадочной, усталой и чуть печальной, как у того, кто видит начало пути, знает его возможный конец, но не имеет права сказать.

— Я о том, что в местах, где сплетаются нити тысяч судеб,

важно смотреть не только под ноги, чтобы не споткнуться, но и по сторонам. Самый яростный твой враг может оказаться тем, кто единственный протянет тебе руку в критический миг. А тот, кто кажется спасением и ответом на все молитвы, может потребовать цену, которую ты никогда не согласилась бы заплатить, знай ты заранее. Ищи следы волхвиц, спрашивай о них, конечно. Но будь готова к тому, что ответ... может сорваться с губ того, кого ты меньше всего ожидала услышать. И принять его помощь может оказаться самым трудным выбором в твоей жизни.

Она убрала руку, и на плече Оллианы осталось ощущение тепла, будто от печати.

— А теперь иди. И, Оллиана! — её голос стал тише, но твёрже. — Ради всего святого, не говори Аранеру, что это я дала тебе ключ. Пусть думает, что ты достаточно умна, изворотлива и упряма, чтобы найти лазейку в его запретах сама. Ему, старому вулкану, полезно иногда понимать, что он не всё контролирует. Это отрезвляет.

Оллиана кивнула, сжимая в потной ладони драгоценный кристалл так сильно, что его острые грани впивались в кожу, оставляя красные отметины. В голове у неё стучал, как барабан, чёткий, спасительный план: «Табльдот. Квинт. Искра из мира Драконьего Камня». Это было больше, чем она могла надеяться. Это была ниточка.

Она поклонилась, уже не формально, а глубоко, от души, и повернулась к выходу, ощущая, как тяжесть на сердце чуть

отступает перед напором решимости. Но голос Дарьи догнал её, тихий, как шелест опавшего листа, но отчётливый на фоне тишины огромного зала:

— И удачи тебе, маленькая драконица. Тебе понадобится не только вся твоя магия и ярость, но и капля мудрости. Хотя бы капля. Чтобы суметь отличить ловушку, приготовленную судьбой, от её неожиданного, странного дара.

Выйдя из полумрака замка в пронзительный, режущий холод зимнего дня, Оллиана вдохнула полной грудью. Морозный воздух обжёг лёгкие, но это было очищающее, отрезвляющее ощущение. Кристалл в её кармане жёг ткань платья, словно маленькое, личное солнце, напоминая о цели. «Неожиданное обличье... Ловушка судьбы...» — пронеслось в голове отголосками загадочных слов королевы. Что бы это ни значило, её это сейчас не интересовало. У неё была единственная, кристально ясная цель: найти волхвиц, вырвать у них правду, найти друзей. А тот, кто встанет на её пути — будь он в обличье друга, врага, нейтрального наблюдателя или самого искусителя — познает на себе всю ярость дракона, которого он имел неосторожность разбудить.

Она ещё не знала, не могла знать, что ровно через сутки, в шумном, дымном, многоголосом хаосе «Табльдота», где воздух будет пахнуть десятком чужих миров, её взгляд, блуждающий в поисках бармена, случайно встретится с пристальным, аналитическим взглядом высокого мужчины, сидящего в самом дальнем, тёмном углу. У него будут глаза холодно-

го, чистого, грозового неба и выражение на замкнутом, иссечённом шрамами лице, словно он чувствует в воздухе запах чего-то, что ему глубоко, физиологически противно. И он будет смотреть не на бар, не на выход, а прямо на неё.

И в тот самый миг судьба, о которой так загадочно и настойчиво говорила Дарья, перестанет быть абстракцией. Она сделает свой первый, едва слышный, но необратимый ход, расставив фигуры на доске. И игра, ставкой в которой были жизни её друзей, а возможно, и её собственная душа, начнётся по-настоящему.

Глава 3

Оллиана вышла из портала на довольно оживленной улице незнакомого мне прежде города. Это место очень походило на тот мир, о котором ей не единожды рассказывала Алина. Именно таким она его и представляла себе: технологичный, динамичный и весьма стремительный. Мимо по очень широкой дороге с громким ревом проносились машины, оставляя после себя отвратные запахи, от которого хотелось заткнуть нос и прочихаться. О них она также читала в книгах, которые ей давала девушка. Вообще, Оллиана была ей безумно благодарна за то, что Алина дала ей возможность узнать о ее мире заранее. Это позволило сейчас не паниковать и спокойно решать свои вопросы.

Ее взгляд привлекла лаконичная вывески на одном из ближайших зданий – «Бар Табльдот». Вот она и на месте...

Само заведение так же ничем не выделялось на фоне остальных соседствующих с ним строений. С виду сразу и не скажешь, что это один из лучших баров Междумирья. Хотя ни ей было об этом судить. Оллиана вообще в подобных заведениях никогда не бывала прежде...

У входа в заведение оживленно спорили несколько человек. Девушка что-то пыталась донести до молодого паренька и была явно чем-то очень сильно недовольна. Он же с не меньшим возмущением отвечал ей. За всем этим с меланхо-

личным выражение лица следила еще одна симпатичная девушка. Явно устав от споров, она что-то мимолетно сказала парочке, на что парень лишь громко фыркнул и с ноги открыл дверь в бар. Та с грохотом ударилась о стену, заставив меня непроизвольно вздрогнуть. Оллиана и глазом моргнуть не успела, как троица уже скрылась в недрах заведения.

Она уже собиралась войти следом за ними, как у входа резко затормозила машина. Явно не из дешевых. Как-то Оллиане в руки попал один журнальчик, опять-таки от Алины, в котором было изображено много всевозможных автомобилей. Тогда девушка попыталась ей рассказать о них что-либо подробнее, но вот ее мозг смог лишь усвоить информацию о том, что, например, эта модель явно дорогая и весьма престижная по меркам этого мира.

Из окна машины молодая девушка с интересом изучала вывеску заведения. На ее милом личике явно читался интерес и любопытство. Сделав для себя какие-то выводы, она вновь начала движение, но проехав несколько метров, резко свернула к обочине и остановила машину.

Дверца транспортного средства отворилась, и наружу выплыла, словно лебедь, эффектная брюнетка. Ее длинные волнистые волосы каскадом спадали вниз, обнимая стройную фигурку, словно легкий шелк. Девушка обвела грустным взглядом улицу и, ненадолго нырнув в салон, выудила оттуда самую настоящую метелку.

А вот это уже интересно... Оллиана с любопытством рас-

смастривала, судя по всему, ведьмочку и недоумевала, что же эта красotka приехала на машине, а не на своей метелке прилетела. Обдумывая ситуацию, она про себя ухмыльнулась. Поймав ее любопытный взгляд, ведьмочка закрыла машину и направилась в мою сторону.

— Ну, и что палимся? — обратилась к Оллиане ведьма, подойдя ближе.

Та смотрела на нее снизу-вверх. Она была почти на целую голову выше Оллианы. От девушки исходила довольно мощная энергетика, которая чувствовалась даже издалека. С первого взгляда такие, как она, обращают на себя внимание окружающих, притягивая к себе как магнитом.

— Да так... — произнесла в ответ, пожав беззаботно плечами. — Вот думаю, зачем имея такую технику, — Оллиана кивнула на метлу в ее руках, — ты на машине едешь?! На метле-то куда приятнее, да и быстрее в разы будет. Ведь я правильно поняла, что ты ведьма? — вопросительно выгнула бровь, осматривая девушку внимательным взглядом.

— Да, но бывшая, — улыбнулась ей собеседница, с любовью погладив свое, явно любимое средство передвижения. — Летать больше не могу, — с грустью добавила она, поглаживая метлу.

Они одобрительно посмотрели друг на друга.

— Меня Елена зовут, — протянула она Оллиане руку, представляясь.

— А я Оллиана. — она пожала ее ладонь. — Мне, кстати,

как раз и нужна ведьма, — сообщила девушке, радуясь такой неожиданной удаче.

— Да? И чем же я тебе могу помочь? Я ведь давно уже не у дел.

— Ничего особенного, — безбрежно отмахнулась Оллиане. — Мне нужна помощь в одном вопросе. Уверена, что это тебе будет точно под силу, — заверила ее.

— И в каком же? — грусть в глазах ведьмочки сменилась неподдельным интересом.

— Дело в том, что моих друзей закинули сюда во время проведения обряда волхвицами. И теперь мне позарез нужно найти их, но я не знаю, как это сделать, — поведала Оллиане собеседнице.

Громкий смех разнесся по улице, привлекая внимание прохожих. Отсмеявшись, девушка вновь внимательно взглянула на драконицу.

— Так ты собираешься отыскать волхвиц?

— Ну да! — подтвердила она, не понимая подобной реакции ведьмочки.

— Ох, ну и насмешила. Тебе их и во век не найти, пока они сами этого не захотят, — сообщила девушка, чем ее очень сильно расстроила.

— Да не могу я ждать! — возмутилась Оллиана словам ведьмы. — Мне сейчас надо! А может, есть другие варианты? — с надежной поинтересовалась у собеседницы.

— Ну... — протянула девушка, улыбаясь. Она явно на-

слаждалась тем, что томила новую знакомую в ожидании. — Есть, конечно, еще способ, но только он может обернуться для тебя глобальными проблемами.

— И что за способ? — она в нетерпении уставилась на девушку, не желая слушать ни о каких «но». Сейчас ей было совершенно безразлично на какие-либо последствия. — Рассказывай поскорее! — поторопила она.

— Волхвиц под силу отыскать лишь одному человеку — инквизитору. Лишь он знает все потайные тропки, да все их схроны. Ни одна ведьма не может долго от него прятаться.

— Может, ты сможешь подсказать, где его можно встретить? — зацепилась Оллиана за предложенный вариант решения ее проблемы.

— О нет, ищи сама, я их на дух не переношу. Был печальный опыт общения с ними, — ведьмочка передернула плечами, словно отгоняла от себя неприятные воспоминания. — Это тебе лучше спросить у кого-нибудь другого.

— Ну, и на этом спасибо! — поблагодарила Оллиана.

— Не за что! Удачи! — она махнула рукой и, развернувшись, пошла в сторону бара.

— И тебе, — произнесла Оллиана.

Попрощавшись, она по отдельности вошли внутрь заведения, расходясь в разные стороны...

В голове роилась куча мыслей, Оллиана даже не знала, с чего ей и начинать. Да и вообще! Как выглядит этот самый инквизитор?! Просить помощи было не у кого, поэтому при-

ходилось рассчитывать лишь на саму себя. Она надеялась, что ей все же удастся решить эту проблему, иначе все старания будут напрасны.

«Табльдот» оказался не дверью в иной мир, а самим миром в миниатюре, зажатым между четырьмя стенами. Воздух был густым коктейлем из запахов: прокопчённого дерева, пряного эля, озонового послевкусия магии, сладковатой пыльцы незнакомых цветов и чего-то звериного, мускусного. Звуки накладывались друг на друга — гул десятков голосов на языках, которых Оллиана не знала, мелодия струнного инструмента, похожего на лютню, но с тремя грифами, звон стекла, смех, доносившийся словно из-под воды.

Она замерла у входа, позволяя потоку ощущений захлестнуть себя. Её драконья природа, обычно дремлющая под поверхностью цивилизованного адепта, вздыбилась чешуёй. Здесь было слишком много всего: слишком много чужих взглядов (некоторые скользили по ней с любопытством, другие — с холодной оценкой), слишком много сконцентрированной, незнакомой энергии. Она чувствовала себя голой и вооружённой до зубов одновременно.

Глядя на представшую картину, Оллиана ненадолго впадала в ступор, ошарашенная увиденным. В состоянии легкого шока она на автомате продолжила двигаться в нужном ей направлении, пока не встретила препятствие на своем пути. Прямо перед ней стоял высокий широкоплечий парнишка, взирающий на меня сверху вниз. В его глазах читалось явное

раздражение. Проследив за его недовольным взглядом, она к своему ужасу заметила, как по ее одежде расплывается яркое пятно от какого-то коктейля, что недавно был в стакане у этого самого парня.

Только после этого Оллиана наконец-то пришла в себя, ощутив на теле холодный и липкий напиток. Блуза мгновенно прилипла к телу, оставляя неприятное ощущение. Внутри начало поднимать голову неконтролируемое раздражение и даже ярость. Так и дракона наружу выпустить можно. Она из последних сил пыталась взять себя в руки, но этот индивид явно возомнил себя бессмертным.

— Смотри, куда прешь, ненормальная! — проговорил парень ей прямо в лицо.

— Это я-то ненормальная?! Сам несешься, совершенно не глядя по сторонам, а потом другие еще и виноваты тебе! — не сдержавшись, ответила она повышенным тоном.

— Ты бы язык попридержала, а то не ровен час укоротит его кто-нибудь, — презрительно посмотрел на нее нахал.

— Дай-ка угадать, — Оллиана состроила задумчивое выражение лица, как бы размышляя над сказанным. — Не ты ли это сделаешь?!

— Да я за такое и башку бы оторвал тебе!

«Вот глядя на парня, сразу и не скажешь, что у него язык без костей. Как можно так грубо с девушками разговаривать?» — подумала Оллиана и снова внимательно присмотрелась к наглецу. Его короткие угольные волосы прекрасно

сочетались с темнотой его карих глаз, превращая последние бездонными и завораживающими. Совсем молоденький, но вот все впечатление портило каменное выражение угрюмого лица, делаая парня абсолютно неприятным для нее. А вкупе с его отвратительными словами, так вообще хотелось поскорее уйти от него подальше. Перед ее глазами сразу же всплыла картина, как этот умник совсем недавно с пинка открывает двери бара.

Только она было хотела ответить ему как-нибудь заковыристо, как он, развернулся и направился прочь. А как же извинения? Оллиана стояла, глядя ему в след, раздражаясь все сильнее и сильнее. Сделав легкий пас рукой и произнеся чистящее заклинание, она привела одежду в порядок. Ей все еще хотелось догнать этого гада и врезать ему хорошенько, но она все же сдержала этот порыв.

Осмотревшись по сторонам, Оллиана все-таки решила отправиться в сторону барной стойки. Но не успела пройти и половины пути, как ее взгляд ненароком зацепился за хорошо подвыпившую девушку. Взгромоздившись и пошатываясь, она танцевала Призрачный танец. Когда-то Оллиана читала о нем, изучая магические книги. Но она не думала, что кто-то еще способен его исполнять.

Черные волосы красавицы колыхались в такт движениям ее плавным движениям и, вторя ритмам звучащей музыки, ложились волной на хрупкие плечи. Ее стройное тело скрывали белая блуза и кожаные штаны, повторяющие все изги-

бы и сидящие, словно вторая кожа. Она танцевала, словно окружающий мир вокруг нее прекратил свое существование. Осталась только она и музыка. Все потеряло значение и очертания. Синие глаза, затянутые поволокой, смотрели в никуда.

Неотрывно наблюдая за ней, Оллиана дошла до стойки и практически наощупь уселась на высокий стул.

За стойкой, виртуозно орудуя шейкером, стоял высокий молодой мужчина. По сравнению с представителями нашей расы, он был достаточно худощав, при этом весьма привлекателен и обаятелен. Но больше всего Оллиану поразили его розовые волосы, собранные в высокий хвост. Длинная челка спадала на лицо, прикрывая повязку на правом глазу, придавая некого шарма ее обладателю. Приветливая улыбка, с которой мужчина выполнял свою работу, располагала к общению, но... Что-то все же ее в нем настораживало, заставляло оставаться на чеку...

Отбросив в сторону все ненужные в данный момент опасения, Оллиана все же ненадолго задумалась. Ведь в таких местах именно бармены и знают больше всех. А если взять во внимание то, что он явно не из простых смертных, то, скорее всего и сможет помочь мне найти инквизитора.

Посидев пару минут, девушка все же решила привлечь его внимание и помахала рукой. Мужчина повернулся в ее сторону, обвел внимательным взглядом, а затем приблизился.

— Что я могу вам предложить? — поинтересовался муж-

чина бархатистым обволакивающий голосом, вызывая мурашки по коже.

— Я... — если честно, то она даже и не знала, как в данной ситуации попросить его помощи.

— Вижу, вы не просто так зашли к нам в бар, — предположил хозяин заведения, пристально глядя на Оллиану.

— Вы правы, — не стала она отрицать очевидных вещей. — Я ищу здесь кое-кого, — начала было драконица, как заметила, что мужчина не отрываясь смотрит куда-то в зал.

— Извините, вы хвост видите? — вдруг ни с того, ни с сего поинтересовался он, вводя Оллиану в ступор.

— Какой хвост?! — опешила девушка, с недоумением уставившись на бармена.

— Вон там, — указал он прищуренным взглядом куда-то ей за спину.

Обернувшись, Оллиана взглянула в том же направлении. В дальнем углу за столиком сидел мужчина в длинном черном плаще, из-под которого торчал хвост. Лысенький, с пушистой кисточкой на самом кончике.

— Вижу, — кивнула она в ответ.

Она вновь внимательно посмотрела на мужчину с «хвостом» под столом.

Он сидел один у стены, в тени высокой полки с причудливыми бутылками. Не прятался, нет. Скорее, занимал позицию, с которой открывался вид на весь зал. На вход. На неё.

Оллиана не знала его имени, но что-то внутри неё, ка-

кой-то древний, рептильный инстинкт, мгновенно определило его как хищника. Не того, кто рыщет в поисках лёгкой добычи, а того, кто терпеливо ждёт, наблюдает, рассчитывает. Высокий, даже сидя он казался массивным, забившимся в рамки человеческого обличья, но неудобно. Длинный чёрный плащ, накинутый на спинку стула, выглядел практично и по-военному строго, без намёка на щегольство. Одежда на мужчине — тёмная, простая, позволяющая двигаться бесшумно.

Но главное — его лицо и поза. Он сидел, откинувшись на спинку, одна рука лежала на столе рядом с почти полным бокалом, другая свободно свисала вдоль тела. Поза расслабленная, но Оллиана, привыкшая к стойкам бойцов в тренировочных залах, видела в ней готовность к мгновенному взрыву движения. Его лицо... Оно не было красивым в общепринятом смысле. Слишком жёсткие линии, слишком твёрдый подбородок, шрам, белой нитью пересекающий бровь. Но оно было захватывающим. Как суровая, неприступная скала. А глаза...

Он смотрел не на неё, а куда-то поверх толпы, но Оллиана почувствовала, что всё его внимание, весь его фокус, подобный отточенному клинку, направлен именно в её сторону. Его взгляд был рассеянным, будто он погружён в свои мысли, но в глубине зрачков, цвета наступающей грозы, мерцала холодная, неусыпная бдительность.

Именно в этот момент он медленно, почти лениво перевёл

глаза на неё.

Удар был физическим. Не страх. Нечто иное. Будто две противоположные магические полярности внезапно схлестнулись в пространстве между ними. Оллиана почувствовала, как по спине пробежал холодок, а в животе вспыхнул странный, тревожный жар. Его взгляд не был враждебным. Он был оценивающим, аналитическим, как учёный, рассматривающий редкий, потенциально опасный экземпляр. В нём читалась привычная власть, уверенность человека, который знает вес своего слова и силу своего жеста.

Одновременно с этим, откуда-то из глубин подсознания, поднялось смутное, необъяснимое влечение. Отвратительное и манящее. Как тяга к краю пропасти. В нём чувствовалась грубая, неотёсанная сила, чуждая утончённой магии Алиады. Сила, которая не колдует, а ломает. Которая не убеждает, а приказывает. И эта самая чужеродность пугала и притягивала одновременно. Он был воплощением всего, против чего её учили, — упрямой, неколебимой материальности, противостоящей потоку эфира.

«Охотник», — пронеслось в её голове, всплывая из предостережения Дарьи. Но на кого? На ведьм? На таких, как та эффектная брюнетка у входа? Или...

Он следил за её реакцией. Видел, как она замерла. Уголок его рта дрогнул, не в улыбку, а в нечто, напоминающее едва уловимое удовлетворение охотника, когда дичь понимает, что замечена. Он медленно поднял свой бокал, сделал

небольшой глоток, не отрывая от неё глаз. Вызов. Тихий, но отчётливый.

Сердце Оллианы забилося чаще. Не от страха. От ярости. Кто он такой, чтобы смотреть на неё, как на экспонат? Чтобы вызывать в ней эту дурацкую, предательскую дрожь? Гнев, знакомый и надёжный, пришёл на помощь, смывая первую волну замешательства. Она выпрямила спину, подняла подбородок и послала ему в ответ свой собственный взгляд — вызов, отточенный годами противостояния с самым упрямым драконом Алиады. В её синих глазах вспыхнули искры не магии, пока что, а чистой, неsgiбаемой воли.

«Смотри сколько хочешь, — подумала она, словно могла проецировать мысли. — Ты мне не указ».

Он заметил изменение. Его брови чуть приподнялись. Интерес сменил холодную оценку. Казалось, он не ожидал такого ответа. Не ожидал увидеть в этой, на первый взгляд, слегка потерянной девушке с разумными глазами столько огня.

Их немой поединок был прерван громким спором у стойки — той самой парой, что влетела в бар снаружи. Мужчина что-то яростно выкрикивал, девушка отвечала с не меньшим пылом. На секунду взгляд мужчины отвлёкся на них, и на его лице мелькнуло быстрое, почти незаметное раздражение, словно шум помешал важному наблюдению.

Этого момента Оллиане хватило. Она разорвала зрительный контакт, чувствуя, как щёки горят. Что, чёрт возьми, это было? Она пришла сюда за информацией, а не чтобы участ-

воват в немых дуэлях с каким-то угрюмым великаном.

— Не могли бы вы на него наступить? — попросил ее бармен, вернув в реальность.

— А... — Оллиана немного растерялась.

— Хвост... Я сейчас слегка занят, — извиняющимся голосом произнес мужчина, показывая на эльфийку и остальных людей, что находились у барной стойки.

«Да, ему сейчас действительно не до каких-то хвостов. Да и в такой обстановке все равно не удастся с ним нормально поговоришь. Помогу с хвостом, а потом будет легче из него вытянуть то, что мне нужно» — подумала она.

Стоило Оллиане подняться со стула, обернувшись, она увидела, как заснувшая на стойке девушка начала падать на пол. Зажмурив глаза, она уже приготовилась увидеть ее лежащую у своих ног, но этого так и не произошло. Оллиана приоткрыла один глаз, оценивая ситуацию. Девушку, словно драгоценную ношу, на своих руках удерживал мужчина, так вовремя подоспевший ей на выручку. Сразу становилось понятно, что они не просто знакомые... Оллиана умилилась картине и, не обращая больше на них внимания, последовала к своей цели.

Преодолев не спеша расстояние до столика, делая вид, что рассматривает интерьер заведения, Оллиана, обходя встретившуюся ей на пути девушку, шагнула ближе к сидящему за столиком мужчине. Хвост, до этого спокойно торчащий из-под его плаща дернулся, и она, не теряя больше времени,

сделала еще один шаг, наступая на него своим каблуком.

Из-под стула раздался громкий пронзительный визг, оглушая всех вокруг, и в сторону с огромной скоростью что-то метнулось, перепугав ее чуть ли не до смерти. Мужчина, до этого сидящий спокойно за столиком и глазающий на девушек, резко подскочил, сталкиваясь лбом с Оллианой. Она же по инерции начала заваливаться назад и со страху непроизвольно открыла портал, утягивая в него подхватившего ее за талию мужчину.

Глава 4

Пространство, которое только что было заполнено гулом голосов, запахом эля и маринованных огурцов, внезапно, болезненно сжалось в тугую, выворачивающую наизнанку спираль, выплюнуло их с сухим, костным хрустом ломающейся реальности и разжалось, как пружина. Тишина, наступившая после оглушительного, хаотичного грохота «Табльдота», была не просто отсутствием звука — она была оглушительной, физически давящей на барабанные перепонки. Её нарушал только тонкий, ледяной свист ветра, продиравшегося сквозь голые, скрюченные ветви вековых елей, да их собственное, прерывистое, сбитое дыхание, клубящееся на пронизывающем морозе густыми, быстро рассеивающимися белыми облачками.

Оллиана отшатнулась, её сапоги безнадёжно скользнули по подтаявшему и вновь замёрзшему снегу, едва не отправив её в нелепое падение навзничь. Рука, обхватившая её талию в последний, решающий момент перед тем, как оба они провалились в зияющий портал, разжалась — резко, без намёка на нежность. Она вырвалась из этого захвата с силой, заставившей её собственные мышцы кричать от напряжения, чувствуя, как по спине, под слоями одежды, бегут мурашки — странная смесь отвращения к чужому, незваному прикосновению, остаточного шока и дикого, животного адреналина.

на, все ещё бьющего в жилах.

Перед ней, на полшага отступив и принимая устойчивую, сбалансированную стойку бойца, стоял он — тот самый высокий мужчина с глазами цвета грозового неба. В крошечном, ещё мерцающем, искрящемся снежинками разрыве пространства за его широкой спиной мелькнул на последнюю секунду знакомый, шумный интерьер бара: блеск стеклянных стёкол, силуэты за столом, а затем портал захлопнулся с тихим, но окончательным щелчком, похожим на звук запираемой ловушки. И они остались одни. Совершенно, абсолютно одни в этом белом, безмолвном, бескрайнем лесу, под низким свинцовым небом.

Он опередил её с вопросом, не дав ей перевести дух, собраться. Его голос, низкий, бархатисто-хриплый, но резкий, как удар осколка льда о камень, прорезал морозный, колкий воздух:

— И кто же ты такая, чудо-чудное, диво-дивное? Прямо с потолка свалилась, да ещё и не одна.

Оллиана заставила себя выпрямиться, отряхивая с рукава своего практичного, но уже порядком потрёпанного плаща несуществующую пыль барной стойки. Растерянность, настоящая и глубокая, боролась в ней с инстинктом самосохранения. Игра в наивность, в непонимание, казалась единственной возможной тактикой в этой внезапной, абсурдной и откровенно пугающей ситуации. Она широко, преувеличенно раскрыла глаза, сделав максимально невинное, по-

что детское лицо, пытаясь скрыть за этой маской бурлящую внутри тревогу.

— Я? — её голос прозвучал нарочито светло, с лёгкой, искусственной дрожью. А что, в самом деле? Мало ли какие пространственные аномалии случаются в таких местах слияния миров? Может, это и не она виновата в этом внезапном, неконтролируемом путешествии? Может, она просто невинная жертва?

— Хватит корчить из себя ничего не понимающую овечку! — мужчина явно начал терять и без того небогатое терпение. Его взгляд, тяжёлый, пронизывающий, сканирующий, словно луч холодного прожектора, медленно и методично обходил её с ног до головы, задерживаясь на лице, на руках, на позе. — То, что ты не ведьма, я понял ещё в баре, едва почувал твой след. От тебя пахнет... другим. Только вот в толк никак не возьму, кто же ты и что за зверя на себя напялила.

Он стоял, испытующе смотря на неё, явно ожидая не просто ответа, а правды — немедленной и без прикрас. Оллиана стиснула зубы так, что чуть не хрустнула эмаль. Рассказывать этому незнакомцу, явно опасному, с холодными глазами и позой хищника, о своей истинной, сокровенной природе? Сейчас, когда она была одна, дезориентирована, вырвана из относительной безопасности нейтральной территории и брошена в неизвестный лес? Эта мысль казалась верхом глупости, самоубийственной откровенностью.

— Говори! — прикрикнул он, сделав резкий, угрожаю-

щий шаг вперёд. Снег хрустнул под его тяжёлым сапогом. Его лицо, и без того не отличавшееся мягкостью, стало ещё суровее, почти каменным от потери всякого терпения. — Я не люблю, когда со мной играют в молчанку. Особенно в таких... щекотливых обстоятельствах.

А вот это он уже слишком! Ярость, всегда тлеющая где-то глубоко в груди, рядом с сердцем дракона, вспыхнула в Оллиане ярким, жарким, почти ослепительным пламенем. Нечего на неё кричать, пугать и требовать, как какую-то провинившуюся служанку! Она ведь и напугаться могла по-настоящему, или обидеться. Хотя, глядя на его сжатые в кулаки руки, на напряжённые, готовые к броску плечи, она не была уверена, что обида или страх произведут на него хоть какое-то впечатление, кроме презрительного раздражения.

— Орать-то зачем? — парировала она, и в её обычно мелодичном голосе впервые за этот безумный день прозвучала настоящая, не поддельная сталь. Не вызов за барной стойкой, не игривая дерзость, а острое, закалённое лезвие, обнажённое и готовое к удару. — Я тебя и так прекрасно слышу. Уши, слава богам, на месте.

И тут, сквозь пелену ярости и страха, до неё медленно, как холодная вода, стало доходить. Он упомянул ведьм. Не в контексте общей угрозы, а как что-то знакомое, профессиональное. Слова Елены, произнесённые в полумраке «Табльдота» с такой серьёзностью, пронзительно отозвались в памяти: «Волхвиц под силу отыскать лишь одному человеку

— инквизитору. Если повезёт его встретить, а он согласится помочь...»

Она прищурилась, изучая его с новой, внезапно открывшейся точки зрения. Тёмная, практичная, лишённая украшений одежда, скрывающая, но не маскирующая мощное телосложение. Поза — не просто устойчивая, а боевая, центр тяжести смещён, одна рука чуть ближе к тому месту, где под плащом могла быть рукоять оружия. Этот специфический, почти животный магнетизм хищника, спокойного, но готового в любой миг сорваться с места. И самое главное — полное, абсолютное отсутствие страха или даже удивления перед магией, которая только что телепортировала их через пол-мира. Только раздражение и аналитическая оценка угрозы.

— А с чего вы вообще взяли, что я не ведьма? — спросила она, внезапно меняя тактику. Её голос стал нарочито невинным, даже сладковатым, она слегка наклонила голову набок, глядя на эту хмурую, скалистую глыбу мужчины с наигранным любопытством. — Может, я просто хорошо маскируюсь?

Он фыркнул, коротко, резко, и в этом звуке было столько безразличного, леденящего презрения, что у Оллианы снова задрожали кончики пальцев, на этот раз от чистейшего, неразбавленного желания выпустить когти и проучить этого наглеца.

— Да я их, бесовское отродье, за версту чую! — выплюнул

он, и в его серых, как промозглый туман, глазах вспыхнула не эмоция, а холодная, выверенная, знающая ненависть. Это было не чувство, а констатация факта, часть мировоззрения, как погода или время суток. — От них пахнет испорченной мёдом гнилью и старыми костями. От тебя же... — он снова приняхался, буквально, его ноздри слегка расширились, — пахнет грозой. Озоном. И чем-то жжёным. Так, хватит зубы-то мне заговаривать. Отвечай. Прямо и честно. Пока я спрашиваю вежливо.

Оллиана тяжело вздохнула, наблюдая, как её дыхание превращается в плотное облако пара, повисающее между ними, как дымовая завеса. Ну, явно не отстанет. Этот человек, каким бы неприятным он ни был, обладал знаниями. А если он и правда так чувствителен к ведьмам, способен их «чувять», то... то он, возможно, единственный ключ, единственный проводник в том тёмном лесу, куда ей нужно. Риск? Колоссальный, бездонный. Вверять свою судьбу и жизнь такому... такому человеку? Но другого выхода у неё не было. Елена говорила о редкости инквизиторов. Шанс, что она встретит ещё одного, был ничтожен. Она ещё раз, уже не панически, а холодно, оценивающе осмотрела его — угрозу, облечённую в человеческую плоть, смерть, ходящую на двух ногах, — и приняла решение, от которого похолодело внутри.

— Ну, вообще-то ты прав, — сказала она, медленно сбрасывая маску растерянности и наигранной слабости. Её плечи расправились, подбородок приподнялся. Голос стал ров-

нее, глубже, твёрже. В нём появились те самые обертоны её истинного «я»: adeptки пространственных искусств, наследницы крови драконов, человека, привыкшего держать ответ за свои слова и поступки. — Никакая я не ведьма. Я... драконица.

Мужчина замер. Не так, как замирают от страха, а как замирает опытный зверолов, увидев в капкане не ожидаемого зайца, а молодого, но уже опасного волка. Его тёмные брови медленно, почти невероятно, поползли вверх. Он осмотрел её снова, с явным, нескрываемым, почти клиническим удивлением, словно впервые действительно увидел. Его взгляд, тяжёлый и аналитический, скользнул по её хрупким на вид плечам, тонкой, открытой морозом шее, лицу, не обезображенному чешуёй или рогами, и в его глазах читалось чистое, незамутнённое недоумение. Как будто он столкнулся с живым противоречием.

— Драконица... — он протянул слово, пробуя его, как незнакомый вкус. — И каким же ветром тебя, такую экзотику, сюда занесло? Не припомню, чтобы в наших, достаточно серых, краях, ваша огнедышащая братия появлялась. Как минимум, на моей памяти — такого отродясь не случалось.

— Да всё тем же ветром, что и всех, наверное, — парировала Оллиана, делая небольшой, небрежный жест рукой, пожимая плечами. В её движении была тень её истинной, хищной грации. — Попутным. Непредсказуемым. Интересно, он часто так швыряет людей через порталы?

Мужчина — Джейкоб, как она мысленно уже начала его называть, и это имя, казалось, идеально подходило к его облику, — лишь усмехнулся в ответ. Короткий, сухой, беззвучный звук, больше похожий на выдох. Он не ответил на её вопрос, но продолжал разглядывать её, и теперь в его взгляде была не только оценка физической угрозы, но и какой-то быстрый, внутренний расчёт, взвешивание вариантов, оценка потенциала. Он что-то для себя решал. И Оллиане это не нравилось. Она решила нанести свой удар первой, перехватить инициативу.

— А вы к ведьмам так просто «неравнодушны», — начала она, делая многозначительную, театральную паузу и глядя ему прямо в глаза, стараясь не моргнуть, — или... это профессиональная деформация? Специфика работы, так сказать?

Его глаза, и без того узкие, сузились ещё больше, превратившись в две холодные, серые щели.

— А тебя что это так живо интересует, драконица? — отрезал он, но в его тоне, резком как всегда, не было прямого отказа. Был встречный вызов. Приглашение продолжить эту опасную игру.

— Да мне как раз... отыскать кое-кого надо, — призналась Оллиана, не отводя взгляда. Пусть видит, что она не боится этого взгляда. Пусть видит не только её хрупкость, но и стальную решимость в глубине глаз. — И связаны эти «кое-кто», как я понимаю, с теми самыми, кого вы так тонко чув-

ствуετε.

— А вот это уже становится по-настоящему интересно, — в его голосе, внезапно, прозвучала привычная команда, отточенная годами и не терпящая немедленного повиновения. — Рассказывай! Без обиняков и этих ваших драконьих загадок.

Оллиана почувствовала, как снова, волной, поднимается знакомая, греющая изнутри ярость. «Рассказывай». Как будто она его подчинённая, обязанная отчитываться. Как будто он имеет на это право.

— Вообще-то здесь и рассказывать особо нечего, — сквозь стиснутые зубы, с усилием выдавила она, стараясь сохранить хотя бы видимость контроля. — Мне необходимо отыскать волхвиц. Конкретно — тех, что имеют дело с пространственными... смещениями. А в том баре одна особа, чуть более разговорчивая, чем некоторые, — она бросила на него выразительный взгляд, — мне поведала, что сделать это не так-то просто. И что помочь в этом деле сможет лишь один тип людей — инквизитор. — Она сделала паузу, прищурилась, впиваясь взглядом в его каменное, не выдающее ни одной мысли лицо, ожидая реакции. Надеясь. Боясь. Сердце колотилось где-то в горле.

И на его лице что-то изменилось. Что-то незначительное, но важное. Уголки его строгих, тонких губ дрогнули, изогнувшись не в улыбку, а в выражение какого-то мрачного, глубоко личного удовлетворения. Тот самый азарт, который

она мельком, краем глаза, видела в его взгляде ещё в «Табльдоте», когда он наблюдал за ней, вспыхнул в его серых глазах с новой, сокрушительной силой, окрасив обычно холодную глубину живыми, опасными искрами холодного, почти синего огня.

— Ну, что ж, — произнёс он, и его голос прозвучал почти торжествующе, с оттенком горькой иронии. — Так считай, что сегодня явно твой счастливый день, драконица! — Он выпрямился во весь свой внушительный рост, и Оллиана невольно, чисто инстинктивно, отступила на шаг назад, ощущая исходящую от него почти физическую волну подавляющей уверенности и власти. — Я и есть тот самый инквизитор. Разреши представиться — Джейкоб Рейвенор. К твоим услугам.

Так вот он какой. Не абстрактная угроза из страшных сказок и предостерегающих рассказов, не просто должность или титул. Это была плоть и кровь. Стальная воля, обёрнутая в кожу и закалённые мышцы. Опасность, у которой есть имя, лицо и свой, неясный для неё кодекс. Смерть, которая только что представилась.

— Оллиана, — ответила она коротко, заставляя свой голос не дрогнуть, не выдать внутренней дрожи. — Оллиана Ангмар.

— Можно сказать, что приятно познакомиться, — произнёс Джейкоб Рейвенор, и его взгляд, тяжёлый и оценивающий, снова скользнул по её лицу, задержался на распушен-

ных волосах, тронутых инеем, снова вернулся к её глазам.
— Очень.

Он выделил последнее слово так — медленно, с тёмной, многослойной, многообещающей интонацией, — что по спине Оллианы, от копчика до самых волос на затылке, пробежал ледяной, цепкий холод, странным, парадоксальным образом смешиваясь с тем предательским, тлеющим жарком глубоко в животе, который появился ещё в баре и теперь лишь разгорался. В его глазах горел тот самый азартный огонёк охотника, но теперь она, кажется, начала понимать его истинную природу. Это был не просто интерес к загадке или к необычному существу. Это был взгляд охотника, который только что выследил редчайшую, ценнейшую дичь и уже обдумывает, как лучше всего её взять, приручить или использовать. И наслаждается этим процессом.

— И... мне, — выдавила она в ответ, и её собственный голос прозвучал слабым, писклявым, жалким эхом в сравнении с его низким, бархатно-опасным басом. Она тут же, мгновенно, возненавидела себя за эту проявившуюся слабость, за эту неуверенность.

Джейкоб Рейвенор усмехнулся снова, на этот раз шире, обнажив ровные, крепкие зубы. Не улыбнулся — именно усмехнулся. Он видел. Он всё видел — и её страх, и её вызов, и это дурацкое, необъяснимое притяжение, которое висело между ними, как натянутая струна. И ему, похоже, это нравилось. Это входило в его планы, какими бы они ни были.

— Отлично, — сказал он, словно ставя жирную, окончательную точку в их первом, коротком и яростном раунде. — Теперь, драконица Оллиана Ангмар, у которой, как выяснилось, есть неотложные проблемы с волхвицами... давай обсудим, что нам делать с тем небольшим фактом, что ты, по всей видимости, нас обоих, совершенно случайно, выдернула из относительно тёплого и безопасного бара и бросила в этот гостеприимный сугроб. И, что самое главное, — что я с этого буду иметь. Потому что бесплатно я не работаю. Никогда.

Искры, которые вспыхивали между ними с первой секунды, уже не просто сверкали в воздухе. Они замыкали цепь, тяжёлую, наэлектризованную, готовую взорваться в любой миг — от неосторожного слова, от неверного движения, от этого невыносимого напряжения, которое было слаще и опаснее любого известного ей зелья. Игра началась. И ставки, как она с ужасом понимала, были гораздо выше, чем просто информация.

Глава 5

— Отлично, — сказал Джейкоб, словно ставя точку в их первом раунде. Его взгляд, тяжёлый и оценивающий, скользнул по заснеженному лесу, затем вернулся к Оллиане. — Теперь, драконица Оллиана Ангмар, у которой проблемы с волхвицами... давай обсудим, что нам делать с тем, что ты нас обоих выдернула из тёплого бара и бросила в сугроб. И главное — что я с этого буду иметь.

Оллиана почувствовала, как снова напрягается. Так вот он какой, деловой подход. Не «помогу, потому что ты в беде», а «что я получу».

— Я могу заплатить, — выдохнула она, мысленно перебирая скудное содержимое своего походного кошелька и несколько магических артефактов, подаренных Дарьей. Вдруг что-то заинтересует инквизитора?

Джейкоб усмехнулся, коротко и беззвучно.

— Золото? Артефакты? — Он покачал головой, и в его глазах читалось откровенное презрение к таким примитивным понятиям. — У меня всего достаточно. Нет. Помощь инквизитора — услуга особая. Она стоит дороже.

— Чего вы хотите? — спросила Оллиана прямо, скрестив руки на груди. Гнев снова начал подниматься, согревая её изнутри. Этот человек умудрялся задевать всё, что только можно.

Он помолчал, изучая её лицо, задерживаясь на упрямом подбородке, на ярких синих глазах, полных не смирения, а готовности к бою.

— Информации, — наконец произнёс он. — Ты — из другого мира. Драконица. Для меня это... необычно. Охота на ведьм, знаешь ли, со временем становится рутиной. А ты — новый вызов. Загадка. Мне интересно, как устроен твой мир, как работает твоя магия, что движет тобой. Ты расскажешь мне о себе. О своей Академии. О том самом драконе-ректоре, который, как я понял по твоим тирадам в баре, тебя сюда и загнал. Всё, что сочту нужным спросить. Полная прозрачность.

Оллиана почувствовала, как кровь отливает от лица. Это была цена куда выше золота. Выложить перед этим циничным охотником свою жизнь, свои мотивы, уязвимости? Рассказать о Волдмуде, об Алиаде?

— Это шантаж, — тихо сказала она.

— Это сделка, — парировал он, не моргнув глазом. — Ты получаешь мой опыт, мои знания, мои способности, которые, поверь, единственное, что может привести тебя к твоим волхвицам. Я получаю... развлечение. И знания о новом виде потенциальной угрозы. Всем выгодно.

«Потенциальная угроза». Слова обожгли, но в них была и леденящая доля правды. Именно так он на неё и смотрел. Не как на человека в беде, а как на интересный, опасный экземпляр.

— А если я откажусь? — бросила она вызов, подняв подбородок.

— Тогда остаёшься здесь, в этом лесу, — он развёл руками, указывая на белое безмолвие вокруг. — И ищешь волхвиц сама. Удачи. На это могут уйти годы. Если они вообще тебя найдут, а не ты их. Вопрос времени, которого, как я понял, у тебя в обрез.

Он попал в самое больное место. Время. Каждый день мог быть последним для её друзей. Она стиснула зубы так, что заболела челюсть.

— Вы мерзкий тип, — прошипела она.

На его лице вновь появилось то самое выражение азартного удовольствия.

— Часто слышу. Итак?

Оллиана закрыла глаза на секунду. Перед мысленным взором проплыли лица Олиза, Астрильда, Бранта. Их смех. Их доверие. Она открыла глаза.

— Хорошо. Согласна. Но с условиями: я не буду рассказывать о ритуалах или заклинаниях, которые могут представлять опасность в неправильных руках. И вы немедленно прекращаете допрос, если я сочту вопрос слишком личным.

Джейкоб склонил голову набок, как бы обдумывая.

— Принимается. В конце концов, даже у дикого зверя есть право на личную территорию. — Он протянул ей руку, не для рукопожатия, а с раскрытой ладонью, как бы заключая пари. — Сделка?

Оллиана с отвращением посмотрела на его крупную, иссе-
чённую мелкими шрамами ладонь. Затем, стиснув зубы, по-
ложила свою руку сверху. Его пальцы не сомкнулись, лишь
коснулись её кожи на мгновение — прикосновение было
твёрдым, тёплым и неожиданно осторожным.

— Сделка.

— Отлично, — он убрал руку. — А теперь я предлагаю все
же отметить праздник, ведь как-никак сегодня Новый год.
Ты ведь составишь мне компанию? — спросил он, и в его
тоне не было вопроса. Это был приговор, мягко завуалиро-
ванный под приглашение.

Ей не оставалось ничего иного, как кивнуть. Соглашаться,
чтобы получить в помощь инквизитора, даже такого невы-
носимого. Даже если это означало провести с ним вечер.

Порталы Оллианы, настроенные на энергии Алиады,
здесь работали со сбоями. С третьей попытки, объединив
её магию с его каким-то волевым, почти физическим «про-
талкиванием» сквозь ткань реальности, им удалось пробить
нестабильный проход. Их выбросило прямо перед домом.

Домик Рейвенора стоял на опушке леса, в глубоком уеди-
нении. Пушистые ели в лунном свете казались застывшими
великанами, их лапы, отягощённые шапками снега, ис-
крились холодным серебром. Сам дом был невелик, но уди-
вительно строен, словно расписной терем из старой сказки,
примостившийся среди спящего царства зимы. К резному
крыльцу вела узкая, аккуратно расчищенная тропинка.

— Ну, проходи. Чувствуй себя как дома, — распахнув массивную дубовую дверь, Джейкоб пропустил её вперёд.

Стоило переступить порог, как Оллиана застыла. На Алиаде она привыкла к прохладе камня, к высоким арочным сводам и витражам. Здесь же... Дом был срублен из толстых, тёплых на вид брёвен. Воздух пах смолой, старой древесиной и чем-то уютно-пряным. Дышалось иначе — не вольнее, а как-то по-домашнему тесно и безопасно. Но больше всего её внимание приковала к себе огромная, пушистая ель, занявшая угол просторной главной комнаты.

— А зачем здесь это дерево? — не удержалась она, указывая на него. Недоумение было искренним.

Джейкоб, скидывавший плащ, обернулся.

— Что значит «зачем»? — он искренне не понимал вопроса.

— Ну, не думаю, что выращивать деревья в домах резонно, — пояснила Оллиана, оглядывая могучие ветви, почти касающиеся потолка.

Джейкоб сначала смотрел на неё, потом на дерево, и вдруг его лицо озарила широкая, заразительная улыбка. Он рассмеялся — громко, от души, и этот звук был настолько неожиданным, таким человеческим и тёплым, что Оллиана на мгновение растерялась. Что в этом смешного? Она уже готова была обидеться, как он, откашлявшись и с трудом совладав с собой, ответил:

— Да традиция у нас такая есть. На Новый год в до-

мах устанавливают ёлку, наряжают её. Она — неотъемлемая часть праздника.

— И чем же её наряжают? — поинтересовалась Оллиана, внимательно осматривая ветви. Никаких украшений она не обнаружила.

— Ну, игрушками, гирляндами, мишурой... А вообще по-разному, — попытался объяснить он, но, судя по его жесту, сам не был большим мастером в этом деле.

— Эх, ладно, — махнула рукой Оллиана. Суть она уловила: это был ритуальный объект, символ. — Не очень поняла, но суть уловила. Поэтому раз уж мы с тобой будем праздновать этот ваш праздник, то стоит соблюсти традицию и украсить её.

Джейкоб огляделся по сторонам, разводя руками.

— Да у меня вообще-то и нет ничего подходящего. Не до того обычно.

На лице Оллианы появилась хитрая улыбка.

— А вот это как раз не проблема. Как-никак магией я владею. — Подмигнув, она направилась к ёлке.

— Тогда с тебя украшения, — согласился Джейкоб, и в его голосе снова послышалось лёгкое, почти неверие в происходящее. — А я займусь камином.

Пока он возился с поленьями и растопкой, Оллиана внимательно изучала дерево. Оно было прекрасно само по себе: высокое, пушистое, источающее головокружительный, свежий аромат, наполнивший весь дом. Зачем что-то ещё? Но...

идея уже завладела ею. Если уж украшать, то по-настоящему. Она прищурилась, сосредоточившись. Легким движением пальцев она вытянула из воздуха несколько крошечных, похожих на золотую пыль, огоньков — духов домашнего очага с Алиады, миниатюрных светляков. Они с тихим жужжанием разлетелись по ветвям, усевшись среди иголок и загоревшись мягким, тёплым светом, от которого тёмно-зелёная хвоя заиграла изумрудными переливами. Затем она вспомнила заклинание малой иллюзии. На кончиках её пальцев закружились искры, и вот уже на крепких ветвях появились хрупкие, будто ледяные, фигурки драконов в полёте, крошечные серебряные колокольчики, звенящие от дуновения невидимого ветерка, и гирлянды из застывшего света, похожие на захваченное и растянутое в нити северное сияние.

Она настолько увлеклась, посылая одно за другим мелкие, почти инстинктивные заклинания украшения, что не заметила, как камин уже всю потрескивал, наполняя комнату живым теплом, а Джейкоб, закончив свои дела, уселся в большое кожаное кресло. Он не делал ни звука, просто наблюдал. Сидя в кресле, за его спиной, весело потрескивая поленьями, плясало яркое пламя, отбрасывая на его неподвижную фигуру длинные, пляшущие тени. Его взгляд был прикован к ней, к её сосредоточенному лицу, к лёгким, точным движениям рук, к волшебству, которое она творила так же естественно, как он дышал.

В его глазах не было былой насмешки или холодной оцен-

ки. Было глубокое, неотрывное внимание. Интерес охотника уступил место чему-то другому, более сложному. Он наблюдал за тем, как её магия — чужая, инопланетная, драконья — преображала простой кусок его мира, делая его прекрасным. И, возможно, впервые за этот вечер, Джейкоб Рейвенор видел не потенциальную угрозу или забавную диковинку, а просто женщину, целиком поглощённую творением красоты в его доме.

Глава 6

Оллиана закончила последний штрих — повесила на верхнюю ветку иллюзорную хрустальную звезду, которая светилась изнутри мягким сиянием, — и обернулась, удовлетворённая. И тут её взгляд встретился с его. Джейкоб сидел, откинувшись в кресле, и смотрел на неё так пристально и молча, что она на мгновение растерялась. В его глазах не было прежней насмешки или холодной оценки, но было что-то не менее обезоруживающее — глубокая, спокойная внимательность. Как будто он только что прочитал в ней целую главу.

— Завораживающе, — произнёс он наконец, его голос был тихим, почти задумчивым. Он кивнул в сторону ёлки.

— Спасибо, — пробормотала Оллиана, внезапно смущённая. Она почувствовала странное желание отвести взгляд, но заставила себя удержать его. Он первым отвернулся, поднявшись и направившись к небольшой кухонной нише.

— Глинтвейн, — заявил он, доставая оттуда кастрюльку и бутылку тёмного вина. — Единственный новогодний ритуал, которому я следую неукоснительно.

Вскоре они расположились на уютном диване перед камином. Между ними стоял низкий столик, на котором дымилась кружка с ароматным напитком для каждого. Тёплый глинтвейн с корицей, гвоздикой и апельсином обжигал гу-

бы и приятно согревал изнутри, разнося по телу лёгкую, золотистую эйфорию. Оллиана прикрыла глаза, сделав глоток, и почувствовала, как напряжение последних недель — нет, месяцев — начинает понемногу отступать. Оно не исчезало, просто отодвинулось в тень, уступая место теплу огня, напитка и... странному ощущению безопасности в этом чужом доме.

С каждым новым глотком Джейкоб переставал казаться ей исключительно опасным. Суровые черты его лица смягчались отсветами пламени, глубокий голос звучал уже не как приказ, а как повествование. Она даже могла бы назвать его притягательным, если бы позволила себе такую мысль. На удивление, он оказался интересным собеседником. Без тени хвастовства, с суховатым юмором, он рассказывал забавные случаи из своей работы: о ведьме, которая пыталась подкупить его пирогами с волчьей ягодой; о провальной погоне за вором заклинаний через канализацию Мрачного города; о своём первом «клиенте», который оказался не колдуньей, а просто очень сердитой старой дамой с армией котов.

— Они тебя не боятся? — спросила Оллиана, укутываясь пледом, который он молча протянул ей ранее. — Ведьмы, я имею в виду. Зная, кто ты.

— Боятся, — откровенно ответил Джейкоб, вращая кружку в руках. — Но чаще ненавидят. И тот, и другой вариант делает их неосторожными. Страх и ненависть — плохие советчики в магии. Именно поэтому я всегда добиваюсь свое-

го. — Он сказал это без гордости, просто как констатацию факта, и от этого его слова звучали ещё убедительнее.

Потом речь зашла о его прошлом. Он говорил обрывисто, словно перебирая старые, пыльные архивы. Он вырос на окраине одного из миров, где магия была не благом, а проклятием, привлекающим тьму. Его семья... Он замолчал, уставившись в огонь. Лицо его стало каменным.

— Их не стало из-за одного неверного решения. Из-за доверия к тому, кто казался безобидным, — его голос был ровным, но Оллиана уловила в нём ледяную, закалённую годами боль. — Я был слишком молод, чтобы что-то изменить. С тех пор я никому не доверяю «казалось». Я доверяю фактам. Инстинктам. И острию своего клинка.

Оллиана слушала, не шелохнувшись. В его словах не было жалости к себе, только холодная решимость, выкованная из утраты. Она вдруг поняла, что его охота на ведьм — это не просто работа или фанатизм. Это его крепость. Его способ защитить других от той же участи. Или, возможно, отомстить миру, который забрал у него всё.

Глинтвейн в её кружке закончился, а в комнате повисла тишина, наполненная потрескиванием поленьев. До полуночи, как показали старинные часы с кукушкой на стене, оставались считанные минуты.

— А твои друзья... — нарушил молчание Джейкоб, не глядя на неё. — Они для тебя как семья?

Вопрос прозвучал неожиданно прямо. Оллиана кивнула,

глядя на отражение огня в своём пустом бокале.

— Да. Единственная, которая у меня осталась. Мы выросли вместе в Академии. Они... они всегда были рядом. Даже когда я совершала глупости. Даже когда мы все вместе совершили самую большую глупость, из-за которой они теперь... — голос её дрогнул, и она резко оборвала. Рассказывать ему о своём горе казалось слишком личным, слишком опасным.

— Тоска по ним — это не слабость, — тихо сказал Джейкоб, и она вздрогнула, подняв на него глаза. Он смотрел на неё, и в его взгляде не было ни капли прежней насмешки. Было понимание. Страшное, выстраданное понимание. — Это честь. Значит, они того стоили.

Эти слова растрогали её больше, чем любое сочувствие. Она смотрела на него, на этого жёсткого, колючего человека, который только что признался, что не доверяет никому, и вдруг увидела в нём не только охотника, но и одинокого волка, знающего цену потере.

— Да, — прошептала она. — Они того стоили.

В этот момент часы на стене начали бить полночь. Джейкоб встал, словно вспомнив что-то, и вернулся с длинной узкой бутылкой, из горлышка которой с шипением вырвалась пробка. Он налил шампанское в два бокала, один из которых протянул Оллиане.

— С Новым годом, драконица, — сказал он, и в его голосе прозвучала лёгкая, непривычная теплота. Он чокнулся сво-

им бокалом о её.

— С Новым годом, инквизитор, — ответила она, и улыбка сама собой тронула её губы. Она отпила. Игристая прохлада напитка смешалась с остаточным теплом глинтвейна, создавая лёгкое, головокружительное ощущение полёта.

Она едва успела поставить бокал на стол, как пространство между ними исчезло. Его губы нашли её с неожиданной, но безошибочной точностью. Это был не вопрос и не просьба. Это было заявление. Поцелуй Джейкоба был настойчивым, властным, лишаящим воли. Он завоевывал, исследовал, клеймил её своим прикосновением. И Оллиана... Оллиана плавилась. Как воск перед жаром драконьего пламени, все её защиты, все предостережения рассыпались в прах. Она ответила на поцелуй с такой же яростной отдачей, вцепившись пальцами в ткань его рубашки, чувствуя, как её собственное сердце бьётся в унисон с его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.